

# Легенда о Гаруде

Михель Павел

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Павел Олегович Михель

## Легенда о Гаруде

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68356729](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68356729)*

*SelfPub; 2022*

### **Аннотация**

При движении очень важные вещи могут быть потеряны позади. Лишь растерянно вернувшись к ним, мы понимаем куда вперёд ведёт дорога.

# Павел Михель

## Легенда о Гаруде

«Настоящая забота о будущем состоит в том, чтобы отдать всё настоящему»

*Альбер Камю*

«Зачем я вообще трачу своё время здесь? Сама бы лучше сходила к психологу, если так хочется.»

Высокий крепкий брюнет посмотрел на золотые часы, немного покрутил их пальцами, а затем нервно опустил руку: до приёма ещё пять минут. За эти два часа, что уйдут на психолога, можно было бы кучу дел переделать на работе. На нём висел отчёт за прошлую сделку, а также намечалась ещё одна крупная с зарубежным заказчиком – получив её, он бы смог себе позволить давно желанное пальто от известного бренда. У него оно было бы первым, среди знакомых.

Он прошёл взад-вперёд, остановился у скучающего слегка запотевшего окна, достал телефон, прокрутил немного ленту новостей, убрал. Смотреть на пёстрое начало декаданса осени не хотелось – да и он просто не умел. Сделал ещё несколько шагов, снова достал и прокрутил ленту. Улыбнулся смешной картинке. Быстро ответил своей девушке, что ему надоело ждать, и что это бессмысленная трата времени. Внутри него начинало разгораться то привычное пламя, которое

иногда полностью завладевало нутром. Но, к своему следующему за этими моментами стыду, не сжигало его самого внутри, а лишь уничтожало ритуальные символы массовой истерии, оставляя голым наедине с этим самым стыдом перед свидетелями. Но он настолько к этому привык, что быстро восстанавливал защиту и самообладание, подавляя жгучее чувство позора. Компенсировать его он пытался новыми успехами, которые должны были затмить тёмную минуту его жизни.

– Заходите! – сказал голос за дверью.

«Вовремя», – подумал брюнет про себя и решительным шагом направился в нужный кабинет.

Внутри пятиугольной, неправильной формы, комнаты, у противоположной стены от входа, у окна, стояло два кресла. Справа от двери были несколько мягких сидений.

На одном из кресел у окна сидел длинноволосый худой мужчина в слегка мятой белой рубашке и чёрных брюках. Это и был психотерапевт. Он держал в руке небольшой блокнот с ручкой, и смотрел в простое пластиковое окно. В рассеянном свете, на противоположной от окна стороне, его покрывала лёгкая вуаль тени. Утончённые лёгкие линии лица, черепа, обтянутым светлой кожей, создавали ощущение мёртвого спокойствия – будто он был запечатлён на портрете.

– Пожалуйста, разуйайтесь, – повернувшись, проговорил мужчина странным, средним голосом: не дотягивающим

грубостью до мужского, но и уходящим дальше нежного женского. Как будто он был болен или долго курил. – Хотя, вы можете надеть бахилы – тогда разуваться не придётся.

«Курит», – подумал брюнет.

– Я сниму, – проговорил брюнет, как будто принимая вызов. Хотя в голосе психотерапевта не было ни намёка на агрессию, пациент воспринимал это именно так. Он не хотел уступать ему – да и что, разве сложно ему разуться?

Брюнет аккуратно снял дорогие чёрные кожаные туфли, попутно стирая несколько пыльных линий грязи, и бережно поставил пару у входа. У стены справа, которая косым углом уходила не прямо, а ещё дальше в сторону, стоял небольшой столик с чайником, печеньем и чайными пакетиками. У третьей стены, что своим другим косым углом перпендикулярно подходила к стене справа, стоял старинный тёмный стеллаж с десятком книг.

– Чаю, может? – спокойно, и даже дружелюбно, спросил психотерапевт, слегка указывая на столик с чайником. Пузатый работяга терпеливо ждал, чтобы сделать важную и полезную работу: дать людям тепло, подкрепляя их физическое здоровье и моральную целостность.

– Не надо, – твёрдо, с лёгкой брезгливостью, ответил брюнет. Он пришёл сюда не за этим – нужно было быстрее закончить это дело и пойти заниматься чем-то важным.

– Тогда присаживайтесь, – пригласил психотерапевт, слегка поднимая правую руку, снова становясь похожим на кар-

тину. На секунду, когда рука оказалась напротив окна, свет, как бы проникая в белую ткань, показал тёмную худую линию внутри – она занимала примерно половину пространства рукава.

Психотерапевт открыл свежий пустой блокнот, готовый принимать всю боль прошлого очередного пациента, чтобы потом навечно молчаливо это сохранить, освободив человека от тяготящего груза.

Брюнет твёрдым шагом прошёл комнату и сел напротив. Он чуть поправил позу, расставив ноги, а руки положил на подлокотники, а также уложил красивее костюм, чтобы не оставлять мятые полосы.

Теперь казалось, учитывая свободно и немного небрежно закинутую ногу в позе психотерапевта, что это приём провинившегося работника у начальника, а никак не сеанс психотерапии.

Худой мужчина чуть потянул шею в стороны, сел удобнее.  
– Рассказывайте, – тихо предложил он, на секунду отвернувшись и посмотрев в окно. Брюнет, наоборот, избегал смотреть в окно и всё время смотрел только на психотерапевта.

– А что нужно говорить? – спросил брюнет, не показывая своей растерянности.

– Что хотите. С вашего имени начнём – хорошо?

Брюнет недоверчиво посмотрел на психотерапевта: он же знает, как его зовут – они договаривались о встрече заранее.

– Меня зовут Борис, – наконец, ответил он.

Психотерапевт улыбнулся:

– Приятно познакомиться. А меня – Артур.

– Я знаю, – тяжело ответил Борис, но Артур, казалось, не замечал его холодной твёрдости.

Артур наклонился и перевернул листок в блокноте.

– Хорошо, Борис. Расскажите о своей жизни: кем вы работаете, с кем живёте, как себя чувствуете вообще сейчас?

Борис, не задумываясь и не отводя взгляд, сразу ответил:

– Мне двадцать шесть лет. Работаю в крупной компании... Начальник отдела по работе с клиентами...

– Уже начальник, хотя такой молодой? – перебил его Артур, открыто удивляясь и что-то записывая в блокнот.

– Что тут такого? – с лёгким, привычным ему в подобных вопросах, недовольством ответил Борис. – Чтобы получать, надо работать.

– Понятно, – ответил Артур. – Продолжайте.

Бориса смутила простота, с которой Артур ответил: ни возражения, ни поддержки – как будто эта вещь совсем незначительная. Для самого же Бориса это убеждение было внутренним стержнем: оно питало и двигало им, помогало преодолевать тяжёлые моменты сомнений и лишений, которые принёс такой путь жизни. Он даже воспринял это как личное оскорбление, и хотел уйти, но решил, раз уж пришёл и заплатил, надо отсидеть до конца – хотя бы для того, чтобы Веселина от него отстала. Она давно просила его – вот, он

попробует, и с чистой совестью будет дальше говорить, что это всё полная ерунда, и нисколько не работает, что с ним всё в порядке. Что это ей нужно научиться с ним жить, с его особенностью.

– Что такое? Взволнованно выглядите, – проговорил Артур.

Взяв себя в руки, Борис едва заметно вздохнул и продолжил. С каждым новым вопросом ему становилось легче отвечать на следующий. Он даже дал несколько ответов о детстве, о чём совсем уж не планировал рассказывать. Ответил, впрочем, коротко и сухо, но сам он давно уже забыл об этих деталях и даже внутренне удивился: неужели это важно? Борис хотел бы отвечать про сейчас, про свои вспышки гнева, но Артур, зачем-то, спрашивал про детство, дальше уходя от, казавшемуся Борису, сути вопроса.

\* \* \*

Под самый конец консультации Борис немного расслабился и даже не заметил, как вышло время. У него были смутные чувства, когда он закрывал за собой дверь кабинета, затем спускался по лестнице и выходил из офисного центра среднего бюджета. Те самые неважные вопросы о детстве вызвали в нём лёгкую тоску, одновременно с этим и новую вспышку гнева.

Борис сел в машину и достал телефон.



«всё», – написал он.

«Как прошло??? рассказывай!!» – ответила «Прекрасная» – под этим прозвищем скрывался профиль Веселины.

«хуйню какую-то спрашивал

про детство

про маму про батю»

«А про вспышки твои он что-нибудь сказал??»

«нет

сказал на следующей неделе ещё раз прийти

но я хуй его знает

какой смысл...»

«Иди, любимый

за один раз исправить не получится

он же только тебя узнаёт»

«...

ладно подумаю», – ответил Борис и выключил телефон.

Нужно было ехать на работу. Он завёл мотор, давно не чувствуя рёв сердца этой дорогой машины – главное её качество была «цена». И, не сознавая, решил немного проехать по холодным переулкам частной бедности, чтобы другие тоже оценили его положение. Но этого не заметил ни мальчишка, что беспорядочно и неумело, но с нежным нераскрытым чувством красоты, пытался сфотографировать осенний огненный листок; ни ловко пробегающая по скользкой тонкой линии железного забора кошка, вечно спешащая по своим делам, о которых человеку оставалось лишь догадываться.

Борис тоже их не заметил, как не замечал миллионы других деталей, что его окружали – мир казался смазанным, блестящим и, если бы он задумался, пугающе мутным.

На работе, как обычно, случился завал. Точнее, он и не проходил. Бориса тянули то туда, то сюда. Он наслаждался тем, что без него не могут решить какие-то вопросы, невольно давая распоряжения, которые не решали проблемы. Поэтому проблемы и не проходили. Его даже вызывал начальник, и дал срок до конца квартала разобрать дела – иначе он найдёт другого управляющего. Но, как бы ни пытался, Борис не мог это исправить – и это злило ещё больше. Жгучий зверь злости, что дремал в нём, подпитывался страхом потерять место. Знак того, что он превзошёл отца, смог подняться туда, куда тот, жалкий и грубый, не мог сметь и подумать добраться. На этом тёплом месте и гнездились высокомерие, двигая куклой тела дальше.

Временами к сознанию боязливо и нерешительно подбиралась печальная грусть детства, но внутренняя злость гнала её прочь, едва только это смутное, давно забытое, чувство смело появляться.

Проходя по коридору, в один из таких моментов близкой грусти, Борис увидел зеркало. Он остановился и внимательно посмотрел на себя. Что-то тянуло его, будто схватило арканом, к загадочной серебристой глади, откуда смотрел как будто бы другой человек в точно такой же одежде и с одинаковой внешностью.

«Ну и что ты, а?» – подумал он, глядя на себя и почёсывая аккуратно подстриженную чёрную бороду.

Он повернул голову в другую сторону, чтобы осмотреть вторую часть лица, ровно ли там лежит борода. Как будто на миг лицо его застыло в отражении, не поспевая за ним самим. Борис резко повернулся, чтобы проверить не показалось ли, и отражение послушно встало на то же место.

– Показалось... – прошептал он.

«Неужели не справлюсь? Да справлюсь, конечно. Покажу эти уёбкам. А нет, так открою своё дело и буду сам там руководить. Нашёлся тут директор...» – недовольно думал он, чувствуя, как внутренний зверь медленно открывал глаза и сонно, едва проснувшись, зевал пастью.

Он закрыл глаза, погружаясь в агрессивные фантазии, и легко вдарил кулаком в стену рядом.

«Блять...» – подумал он и, открыв глаза, посмотрел на себя.

Неожиданно, другое лицо смотрело на него с интересом, как будто исследовало самого себя, с улыбкой на тонких радостных губах – в тех глазах не было ни капли злости, лишь детский голый интерес.

Борис отшатнулся:

– Чё за?..

И с силой зажмурился, будто пытаясь выдавить их одними только веками, а затем открыл – другой исчез, осталось лишь тёмное собственное отражение.

– Заработался, походу... – промычал он облегчённо. И решил пойти домой – работать совсем не было настроения. Лучше было бы пойти в зал, выпустить «пар», но он и так занимался четыре дня подряд – нужно было дать мышцам отдых.

Борис поехал домой, по пути купив алкоголь и немного вкусностей – много было нельзя, это бы повредило его фигуре. По крайней мере, он за этим старался следить, лишь изредка давая себе волю, когда нельзя было пойти в зал и выпустить зверя наружу безопасно. В такие дни нужно было его бесхитростно усыпить, дать небольшую порцию яда, чтобы он опустил в сладостную дремоту, а сам Борис мог чуть-чуть отдохнуть от этой поглощающей тени, что над ним постоянно нависала.

Следующий день был выходным. В такие ленивые дни люди обычно нежатся в приятной кровати. Некоторые, получая свободное время, могут наконец-то заняться чем-то интересным. Есть и те, кто тратит это драгоценное редкое время на работу другого рода.

Нужно было съездить и купить новую модель телефона, вышедшую целую неделю назад – Борис разумно решил подождать несколько дней, чтобы неприятная очередь первых дней прошла, и он мог за короткое время приобрести вещь, позволявшую ему остаться на текущей ступени статуса. Ждать дальше уже было нельзя – снизу стучали более активные, купившие эту вещь и сталкивающие зазевавшихся

дураков вниз этой причудливой лестницы.

«Мы уже тебя обогнали, пердила», – как будто кричали ему в спину образы тех, кого Борис встречал с этим телефоном.

Казалось, только ленивый не написал ещё о всех прелестях новой модели, без которых невозможно жить в современном мире. Если не функционально, то, хотя бы, эстетически, ведь как можно жить, когда дизайн твоего экрана не отвечает последней моде? Пусть даже и в незаметной, если о ней не знать, детали.

Борис проехал на смирную парковку, оплачивая её попутно, затем одиноко пошёл по бетонному аквариуму с автомобилями. Лифт услужливо стоял внизу, скромно дожидаясь богатых клиентов торгового центра. Борис зашёл внутрь, нажал круглую кнопку и пустился в крохотный путь.

Внутренность лифта была увешена зеркалами, чтобы ни один из дорогих клиентов не показался среди толпы в неподобающем виде. Борис тут же начал поправлять причёску, осматривать белые зубы и заросшие ноздри. В отличие от привычных многим, чуть поцарапанных, неухоженных с депрессией зеркал в других общественных пространствах, в торговых центрах строго следили за красотой – покупатели должны были находиться в острой опрятной форме, чтобы выбирать более дорогие товары, подходящие к их образу. Иначе они могли засомневаться и решить сэкономить, не видя разницы, а так подчёркивался их мираж, и чаша оценоч-

ных весов склонялась к покупке или назойливому кредиту, о котором можно сожалеть когда-нибудь потом, после покупки, в моменты нехватки денег.

В один из поворотов лица Борису снова показалось, что отражение двигается по-своему, в точности не повторяя ход оригинала. В холодном испуге он присмотрелся, повертел головой, но не смог «словить» точно расхождение движений – лишь смутно, почти подсознательно, и тревожно ощущая холодный безумный экзистенциальный диссонанс.

Мягкий секундный звонок, вместе с плавной остановкой кабины, дал понять, что лифт сейчас откроется. Испугавшись других людей и их мнения, Борис, взяв себя в руки, развернулся. Ещё чего не хватало, чтобы они не просто увидели его прихорашивающимся, так ещё и сошедшим с ума. Нет. Такого он себе позволить не мог – слишком сильный удар по образу. Все его траты на дорогое пальто, брюки, аккуратные красивые туфли, часы из золота, стрижку из барбершопа – всё это померкнет перед выступившим испуганным взглядом. словно фотокарточка, что кто-то забыл на тёплой летней скамейке – её так же согревает солнце, как оно делает со всеми брошенными существами, и постепенно сводит пестроту красок с бумаги. Эти искусственные потребительские краски, что позволяли ему чувствовать собственное существо, должны были оставаться – иначе он терял внутреннее ощущение, и мог даже провалиться. Но куда – не знал. Знал только, что это страшно.

У магазина почти не оказалось очереди. Борис не в первый раз покупал модель, годами отслеживая модные веяния и следя за страницами лидеров мнений. Поэтому из своего опыта он уже знал оптимальное время для покупки разных вещей: когда уже надо тратить не так много времени на очередь, и когда это ещё не слишком поздно, чтобы не упустить шанс остаться на статусной лесенке. Естественно, он выбрал чёрный цвет, так как это лаконично подчёркивало его внешний вид, дополняя образ.

Заплатив троекратную среднюю зарплату в стране, он взял долгожданную белую коробочку и испытал облегчение. Теперь целый год он мог быть спокоен относительно телефона.

Борис специально нёс коробочку так, чтобы логотип был виден всем остальным. Не просто логотип, а логотип с указанием модели – последней, в самой дорогой комплектации. Это был его момент триумфа, в который он не чувствовал себя счастливым, но испытывал интимную едва жгучую гордыню.

На обратном пути он уже не смотрел в зеркало, совсем забыв о нужде в прихорашивании. Борис полностью отдался тому запретному чувству эгоистического наслаждения потреблением и превосходства. В этом, как он думал, и состояло счастье человека.

Проходя по пустынной парковке, в которой единственным жителем существовал только никем не замечаемый сквозив-

ший и тоскливо воющий непонятно из-за чего ветер, Борис смотрел высокомерно на дешёвые грязные машины, мимо которых проходил. С уже нескрываемым наслаждением глядел он на собственное изломанное отражение.

Возле одной, повывавшей годы покорного служения человеку, машины красного цвета, Борис остановился. Его привлекла эта металлическая старушка и её ржавчины на кузове у колёс.

«Неужели им не стыдно ездить на этом убожестве?» – подумал Борис, сравнивая этот рабочий скромный механизм со своим дорогим и блестящем новостью автомобилем.

На секунду взгляд остановился на собственном отражении. Из окна на него смотрел другой человек. Снова такой же, как и он, но Борис явно видел там другое выражение лица и упрямое нежелание двигаться в такт оригиналу. Как бы ни ворочал испуганно он головой, другой этого делать не хотел, внимательно смотря на него.

Борис в страхе отошёл от машины, посмотрел в другое стекло – там всё было нормально. Неожиданно, стекло красной машины начало выгибаться, словно из него что-то мучительно неестественно рождалось. Затем оттуда вытянулись руки и упёрлись в металлические створки двери.

Скованный страхом, Борис остался на месте. Он ни о чём не мог думать, кроме как наблюдать за тем, как руки – один в один как у него, как лицо – один в один как у него, как тело – один в один как у него, вылазят из отражения старенькой



потрёпанной машины. Наконец, тело ловко выбралось, держась за багажник на крыше, и ступило на землю. Борис ещё больше испугался того, что перед ним был другой, спокойно и твёрдо стоявший, добродушно глядящий вокруг, пока он сам испуганно и жалко сидит на земле.

Почувствовав животный страх перед этим неизвестным мистическим существом и нащупав в кармане холодные металлические ключи от машины, Борис ловко отполз за машину, прислонившись к которой сидел, и бросился к своей. Нужно было быстрее домой, и закрыться там, запереть все замки, завесить шторы, заколотить окна, закрыть шкафы. Сейчас он был совсем не в состоянии осмыслить происходящее, кроме как чувствовать «БЕЖАТЬ», не думая ни о чём, кроме «БЛЯ, БЛЯ, БЛЯ».

Незнакомец не обратил никакого внимания на это мельтешение и просто осматривался, словно ребёнок в новом интересном месте. Даже такая скучная бетонная коробка как «парковка» привлекала интерес нового существа, находившего в строгих геометрических линиях необходимость внимания и детального разбора. Он ещё не знал себя, не понимал ничего, но уже пытался искать красоту в окружающем, как пока ещё единственную потребность своего существования.

Добравшись до машины, Борис трясущимися почти безвольными руками нащупал кнопку, открывающую дверь, и забрался внутрь. Зачарованный происходящим, он не мог

отвести взгляда от самого себя, но другого. Едва он пытался это осмыслить, как тут же его бросало в испуг, и разум отступал от попытки. Нажав кнопку зажигания, он развернулся к незнакомцу, но того уже не было.

Борис выдохнул, положив руки на кожаную ткань руля:

– Снова показалось?.. Такого же... Такого же не может быть. Он же... не из машины... Из отражения.

Весь следующий день Борис провёл дома. Он не стал рассказывать Веселине о произошедшем, как и не делился случаями с отражениями – зачем? Чтобы в её глазах превратиться в безвольное дикое ничтожество? Этого допустить было нельзя. Да и разве он может сойти сума? Конечно, нет. Это ему показалось – тут сомневаться было нельзя. По крайней мере, в этом он пытался себя убеждать – благодаря чему, вскоре, и забыл о случившемся.

В понедельник он встал свежим, бодрым. Из головы, как ему казалось, совсем исчез испуг, и всё что с ним было связано. Как будто этого не было. Поэтому он после завтрака спокойно отправился на работу. По дороге туда ни в одном отражении, куда он с нарциссическим пристрастием заглядывал, не было ни странности движения, ни пугающего взгляда – всё те же строгие, немного агрессивные глаза на аккуратном твёрдом лице.

– Привет, Анжелика. Скажи, а Валентин Сергеевич у себя? – спросил он секретаршу на входе в свой кабинет.

– О, Борис Николаевич, а вы уходили? – с улыбкой отве-

тила молодая женщина в строгом синем костюме.

– Нет. Только пришёл. Ты что-то напутала. Так что там с Валентином Сергеевичем – у себя?

– У себя. Но он сейчас занят, – ответила секретарша, а затем, как бы про себя, проговорила. – Может, кто-то похожий?..

– Хорошо, – не обращая внимание на её болтовню сказал Борис, заканчивая разговор. Он твёрдым шагом прошёл в свой кабинет.

Дверь оказалась открытой, компьютер уже был включен, некоторые бумаги лежали не на своём месте. Он вышел обратно в коридор.

– Анжелика, ты заходила в моей кабинет?

– Нет, Борис Николаевич. Туда... туда заходили.

– Кто? Валентин Сергеевич?

– Нет, – нервно покачала головой секретарша. – Не он. Другой.

– Кто? Что за загадки?

– Я... я не знаю.

Борис напряжённо улыбнулся. Зверь внутри открыл глаз. Секретарша выглядела растерянной и немного испуганной.

– Как это ты не знаешь? Ты же здесь сидишь, смотришь кто заходил, выходил.

– Был мужчина. Он сейчас у Валентина Сергеевича.

– А что он делал в моём кабинете? Как он вошёл?

– У него... у него был ключ, – проямлила секретарша.

Зверь поднимал уже голову. Борис начал нервно сжимать и разжимать кулаки. Захрустели костяшки, от волнения слабо начал выделяться адреналин, а это вызвало крохотные капельки пота, словно в попытке тушить внутренний костёр. Анжелика знала хорошо это состояние начальника и заранее начала пугаться.

– Ладно, – выдохнув, сказал Борис. Вместе с ним успокоилась и секретарша, нервно улыбнувшись. – Скажи мне, когда Валентин Сергеевич освободится – хорошо?

– Поняла, Борис Николаевич, – с улыбкой и натянутой уверенностью «весело» проговорила Анжелика, спасаясь от паники.

Борис не обратил никакого внимания на её нервную театральную реплику и закрыл за собой дверь.

Целый час Борис пытался вникнуть в рабочие дела, пролистывая заброшенные скучные бумаги. Но скользкое внимание не хотело останавливаться на таких твёрдых серых вещах – оно всё сочилось куда-то дальше, в глубины себя и напрягающей тревоги. Наконец, он бросил это безнадёжное дело и просто откинулся на стуле.

«Кто это?» – вертелось у него в голове.

Силуэт незнакомца то становился пугающим, то нелепым. От тянущейся неизвестности хотелось то идти и бить в двери начальника, то смотреть в окно на осенние деревья, обнажающиеся последней яркой красотой года.

Пассивно страх переходил в агрессию, заставляя его вста-

вать со стула и, пройдя несколько волнительных шагов, садиться обратно.

«Бля, я так не поработаю никуя...» – подумал он, и услышал щелчок за дверями. За этим звуком потекла оживлённая радостная беседа. Говорили о каких-то рабочих вопросах. Один из них Борис узнал – это был его вопрос.

«Неужели всё-таки уволят?» – подумал он в негодовании и решил открыть дверь, чтобы вскрыть, наконец, что это за таинственный претендент на его жизнь в компании.

За дверью стоял его начальник, весело улыбаясь и оживлённо обсуждая работу, сидела секретарша, зачарованно смотрящая на этих двоих, и сам Борис. Другой. В аккуратном костюме бежевого цвета. В отличие от настоящего Бориса, который просил Веселину гладить вещи почти каждый день, этот костюм был слегка помят, но от этого выглядел более естественным и красивым. Будто у него была своя жизнь, которой хозяин не мешал – наоборот, всячески поддерживал, создавая крепкую связь между костюмом и человеком.

От этого вида Борис молча встал в дверях. Забытый страх вновь начал подниматься из глубин бессознательного, но пока ещё цепочка химических реакций не дошла безумным страхом до ног – и они стояли. Никто, казалось, не замечал фигуру в аккуратном чёрном костюме посреди дверей.

– Ну, Боря, если так – молоток. Я давно тебе говорил... Очень рад, что обратился. Вижу, что уже совсем другой человек. Всего пару часов, а уже такой вопрос решил – я от

тебя раньше ждал бы две недели. Интересно, и как это оно так: чтобы совсем другой человек? Ну, если так и дальше будешь, то, может, дам тебе повышение, – начальник Бориса засмеялся.

– Да что там, Валентин Сергеевич – посмотрим, – ответил другой, таким же, как у самого Бориса, голосом, но почему-то звучащим иначе. Будто бы теплее и мягче.

Другой улыбнулся и на секунду посмотрел в себя, вроде бы, настоящего.

От этого контакта психика Бориса, наконец, дошла до сознательной части, и в ноги загудел сигнал «БЕЖАТЬ». Он быстро протиснулся между начальником и стеной, словно тень, и просочился в проём дальше.

Секретарша удивлённо осмотрелась:

– Показалось, что тут кто-то был. – с улыбкой, проговорила она. – Никого...

Несколько подчинённых Бориса бросили ему блеклые автоматические слова приветствия, которые он безразлично проигнорировал. Кто-то подавал ему бумаги, задавал вопросы, но это всё скользило мимо сознания. Всё окружающее свернулось до маленькой полосы, в которую попала только дорога коридора – остального не существовало.

Он вышел на улицу и глубоко вздохнул, упёршись в стену. Будто если он не будет иметь какого-то физического контакта с миром, всё исчезнет, провалится в глухую пустоту, и он останется в пугающем вакууме ничего. Спроси его сейчас об

этом чувстве, он бы не выразил его никак, кроме безумного от испуга взгляда.

«Идти...» – подумал Борис, протирая ладонью почти прозрачное похолодевшее от ужаса лицо.

Он развернулся и пошёл в сторону, не соображая о направлении. В местности за ним начали вырисовываться простые линии, цвет стираться, отражения – исчезать. Лица работников сначала отпечатывались рисунком на стекле, а затем поверхность самого стекла становилась мутно-синей, рисунок исчезал, не оставляя следа. Мечты, обсуждения, рабочий процесс – ничто не спасалось. Целое здание за несколько секунд испарилось, а вместо земли и бетонного основания вырисовывались линии – они тоже вскоре исчезли.

Будто кто-то проводил деконструкцию части мира, осмысливая не всю совокупность элементов, заставлял их неестественно быстро распадаться – и смотрел за фантастическим результатом эксперимента. Сначала доводя до несложных геометрических фигур, затем до простых линий, а после – в ничто, серость, пустоту.

Этого всего Борис не видел. Как и прежде, в его сознании оставалась лишь небольшая полоска впереди – для мира больше не хватало сил.

Очнулся он отшельнически проходящим по одной из центральных улиц. Строгие контуры прошлой эпохи выражались твёрдыми линиями кварталов невысоких домов. Но та эпоха запомнилась не только строгостью – ещё и красотой:

каждый дом, то тут, то там, украшен был узорами, фигурами и символами, что её олицетворяли. Словно окружая и возвышая человека куда-то за горизонт прошлого, откуда его вырвали цепкие уставшие мозолистые руки. Сейчас же эта красота человеческой надежды была скрыта за разными предложениями пива, покупки новой квартиры и телефона.

Борис остановился напротив одной из витрин, посмотрел на себя: безупречный образ покрылся тягучей пылью, истрепался и выглядел даже нелепо. Он плюнул на руку и начал истерично чистить испачканные тёмной осенней грязью туфли, поправлять раскованно смятые рукава рубашки и выправлять воротник. Застегнул непослушными грязными пальцами пиджак и уложил, как мог, причёску. Теперь его израненное эго чувствовало удовлетворение, будто броня, защищавшая его от мира, снова введена в строй.

Неожиданно отражение снова перестало слушаться и приподнялось, чтобы встать на нижнюю часть окна. Борис испуганно сделал несколько шагов назад, а затем встал, парализованный. Больше ноги его не слушались.

Силуэт другого вытянулся и перешагнул зеркальную поверхность, будто проходя сквозь небольшую штору. Он ловко спрыгнул вниз и посмотрел на Бориса. В отличие от него, другой был неопрятным, грязным, каким-то нелепым и скомканным, но это нисколько не ощущалось отрицательно – наоборот, он будто был ближе и доступнее. Словно его ничего не сковывало, и он мог бы подойти к любому, загово-



речь, высказать, рассмеяться, обняться, лечь на асфальт – в общем, сделать то, что Борис сам не смог. Что он себе запретил бы и низвёл в уме до чего-то животного, недостойного и пошлого. А затем и разозлился, закрепляя отрицательную реакцию.

– Зачем? – спросил другой, удивлённого рассматривая Бориса и протягивая руку, будто желая обнять.

Борис хотел вытянуть руку, но с диким удивлением понял, что одежда ему стала велика. Он посмотрел на линию своей тонкой ручонки под огромным родительским пиджаком и стягивающей величиной рубашкой. Ботинки тоже были велики, и ноги совсем не держались. Равно как и брюки – приходилось их придерживать рукой.

Весь нелепый и неудобный, Борис побежал прочь почти босыми ногами, перетягивая ножки в огромных носках. Одной рукой он кое-как держал брюки, а другой – схватился за пиджак. Он жил недалеко отсюда. На лестничной клетке нащупал ключи, и быстро закрылся, тяжело дыша. Закрыл большую тяжёлую металлическую дверь на все возможные замки. Потребовалось принести стул из кухни, чтобы достать до верхнего. Попытался вытянуть небольшой комод, чтобы подпереть дверь, но его детских сил явно не хватало, чтобы сдвинуть эту глыбу – и он разочарованно сел, упираясь спиной в несчастный комод. Он не понимал происходящего, и даже не пытался осмыслить – разве такое вообще можно осмыслить? По крайней мере, Борис ощутил, что нельзя – и

не пытался.

Прошло несколько дней. Борис хотел сразу после тех событий выйти на работу, но, вспомнив что оставил машину возле офиса, передумал. Начальник не поднимал трубку – и Борис решил, что его уволили. Веселина, казалось, совсем не замечала его метаморфозы, даже весело поднимая кверху и чмокая в щёку. У Бориса было чувство, будто она так делала всегда – и он поэтому, хоть в первый раз и засмутился, великодушно не сопротивлялся.

Когда она приходила с работы, ему становилось легче и квартира будто оживала. Когда уходила, он тосковал и выходил на улицу от отчаяния. Пришлось найти свои детские вещи, чтобы удобно гулять. Его звали соседские мальчишки, но он серьёзно и недовольно отказывался, предпочитая одиночество и тоску. Они были слишком юны, чтобы войти в его круг, а он для них слишком стар, пусть дети этого и не сознавали.

– Ты какой-то странный, – сказала в один вечер Веселина вдруг. – Нервный.

Они смотрели новый выпуск эпатажного шоу и кушали заказанную еду. Борис своей крохотной ручкой держал вилку и ковырял массу в тарелке.

– Норм всё, – проскрипел он, детским голом.

– Я же вижу, поделись, – мягко сказала Веселина.

Борис не отвечал. Веселина приобняла его за плечо.

– Боречка, милый, поделись со мной – станет легче. Ты

уже почти как умер: на работу не ходишь, выходишь ненадолго только, и там ходишь один. Не води головой – я видела.

– Следила? – обиженно спросил Борис.

– Немного. Ты как будто отдаляешься, и я не понимаю «почему»... – женщина несколько секунд помолчала, собираясь с решимостью высказать важное, что хотела уже несколько дней, и никак не могла освободиться от мучительных родов этого чувства. – Скажи, я что-то не так сделала?

Борис отбросил вилку:

– Хуйню говоришь.

Веселина извернулась, чтобы заглянуть в глаза Борису. Чтобы успокоить её, он решил не отворачивать взгляд. Та хрупкая призрачная тень ещё могла несколько секунд из гордости подавить в нём тянущее чувство опасности, что уже не проходило никогда.

– Видишь? – спросил Борис.

– Точно не во мне дело?

– Нет, – покрутил головой Борис. Он и хотел с ней поделиться, но как? Слова камнями встrevали в горле, болью не давая прорезать звуки. Несколько раз он уже подходил к ней, спокойной и нежной, словно к маме из детства, брал за руку, но сразу же отходил, ударившись током собственного отчаяния. Будто что-то внутри него запускало динамо-машину, и он наполнялся противоположным от мира зарядом.

Веселина приобняла его за голову, прижимая к собственному, полному нежности и внутренним смирением, телу. Бо-

рис почти заплакал даже, но в последний момент совладал с нахлынувшими чувствами тоски по несуществующему в его жизни, и успокоился.

Борис избегал смотреть в отражения, испуганно отворачивая взгляд и стараясь маленькими шажками пройти быстрее. Он гулял, словно страдая и стыдясь своего существа. Несмотря на это, иногда он встречал другого, появившегося вдруг на одной из улиц – буднично выходящего из-за поворота. Другой снова протягивал ему руку и, улыбаясь, ждал. Борис разворачивался и бежал. После этого улица растворялась линиями и штрихами, становясь ничем. Так исчезал двор за переулком, улица за проспектом. Каждый раз Борис сильно злился этому, но поделать ничего не мог. Ему оставалось только бить своими кулачками твёрдую стену, а той терпеливо принимать несправедливое наказание и ждать с надеждой.

Остался только его дом и двор. И Борис бережно охранял его, стараясь не смотреть даже на землю – просто глядеть в небо, зная, что где-то внизу ещё булькает жизнь. Ему хватало звуков незамечающей холода осени детворы и шарканья усталых ног у подъездов.

Когда он стоял на общем балконе, вдруг, открылась дверь лестничной клетки. Но, вместо привычного соседа, что не любил для пользы здоровья пользоваться лифтом и поэтому ходил пешком, встретил другого. Он, как обычно, молча подошёл и встал рядом, внимательно смотря на крохотный

горизонт оставшегося мира, за которым простиралась бесконечная серость. Быстро-быстро стены дома начали наполняться ею, будто заклинание, что спасало их раньше, пропало. Углы становились контурами, а контуры – тонкими линиями. Детвора исчезла в тумане неизвестности, звуки затихли. Тишина, казалось, затекала в уши и своей липкой жижей заполняла мозг.

Кое-как нащупав дверь коридора с квартирами, Борис хлопнул её в ужасе, побежал к себе и скрылся дома. Он тяжело дышал и капли пота катились по его холодному лбу, создавая влажные каналы на лице и заполняя поры невкусной солью.

В дверь постучали. Борис в ужасе забежал в комнату и прижался к безжизненному холоду батареи. Он схватил её ручонками, будто та могла каким-то образом пустить его к себе внутрь, где он, окружённый металлом, был бы в безопасности. Пусть и бедной, но безопасности.

Отсюда он мог видеть дверь, но старался отвернуться как можно больше в батарею.

– Кто-то стучит... – проговорила Веселина, вставая.

– Не иди, – протянул писком Борис. – Не надо...

Не слыша его, она встала, откладывая книгу, и пошла к двери.

– Может из ЖЭКа?... – спокойно размышляла она.

– Не надо...

Но Веселина не слышала его, и будто совсем не замечала

сядущего испуганного ребёнка у батареи. Она кротко последовала на стук, и открыла дверь.

– Никого, – с приятным удивлением проговорила женщина. Борис удивлённо повернулся. Веселина держалась рукой за проём, осматривая пустоту, а затем сделала шаг вперёд: – Кто там?.. А, это ты, любимый. Привет, – с облегчением и радостью добавила пустоте.

Она шагнула туда, и женщина, став силуэтом, а затем и линиями, исчезла. Осталась лишь открытая тяжёлая дверь, безразлично наблюдавшая за леденящей экзистенциальной трагедией.

Борис с ужасом прижался к батарее спиной, пытаясь стать с ней одним целым – теперь уже не оставалось ничего, что бы держало его в человеческой форме. Будь он чуть увереннее, то закричал. Но он тихо стонал, почти в безумии хватая себя свободной рукой, а другой держался за металл, словно это был якорь, что удерживал его душу в жизни.

Неожиданно из пустоты проявился силуэт, в квартиру зашли. Это был другой. Он спокойной осмотрелся, улыбнулся знакомым близким вещам, потрогал их радостными пальцами, и уверенно прошёл к Борису.

– Нет! Уйди! – закричал Борис, вжимаясь в угол. Но другой не уходил.

Когда их разделяла пара шагов, Борис закрыл глаза, надеясь исчезнуть от страха. Вместо этого на себе он ощутил теплоту обнимающих рук. И заплакал.

Худой мужчина что-то записал себе в блокнот после слов пациента. Он несколько секунд подумал, глядя в окно.

– Думаю, это наша последняя встреча, – заключил он, наконец.

– Неужели всё? – с огорчённой улыбкой спросил мужчина напротив. Он сделал последний глоток, заряжаясь теплотой чая, и поставил нежную белую чашечку на стол. – Артур, неужели вам так неинтересны деньги, что вы не хотите работать?

Теперь на нём не было ни костюма, ни надменности, ни напускного величия. Наоборот, в своей простой клетчатой рубашке мужчина выглядел намного живее и интереснее, чем прежде в строгом красивом и ровном наряде. Заменивший дорогие часы небольшой фитнес-браслет подчёркивал этот человеческий и доступный образ. В последнюю свою встречу, эти два человека выглядели равно и одинаково очаровательно.

Психотерапевт усмехнулся.

– Вам это уже не нужно. А есть те, кому нужно. Вы проделали большой путь, стали открытым к жизни и проработали родительские травмы: смерть матери в детстве и холодность отца после этого. Вы не ушли в алкоголизм как он, а решили бороться и жить. Это достойно уважения – миллионы людей

выбирают другой путь.

Пациент смущённо сидел напротив. Раньше такая похвала заметно поощрила его самолюбие, а теперь ощущалась излишней: будто его благодарят за то, что он дышит.

– Я же вам говорил уже: не смущайте, – улыбнулся пациент. – Да и моя жена тут больше сделала: заставила меня прийти, начать. Это же самое сложное. А так бы и дальше жил, ничего не видя.

Пациент взглянул в окно и восхитился лучами редкого в такую погоду солнца, что рассеивались в лёгкой влажной утренней дымке.

– Тут вы правы. Передайте ей ещё раз мою благодарность, – кивнул психотерапевт. Он посмотрел на часы и встал, протягивая руку: – Что ж, удачи вам, Борис.

– Спасибо вам, Артур, – пожал руку Борис. – Большое. Если что, звоните – я всегда вам помогу.

– Хорошо, – улыбнулся тощий мужчина. – Берегите себя и будьте здоровы.

– И вы, – ответил пациент, и вышел.

Тонкий мужчина сел обратно в своё кресло, покрутил в пальцах ручку, любясь нежным пустынным пейзажем зимы, где тонкие пальцы деревьев закрылись от холодного ветра снежными шапками. Он закрыл блокнот в руках, а затем положил его на среднюю полку небольшого столика перед собой, взял новый, и громко объявил:

– Заходите!